

СПЕЦХРАН СЕНСАЦИОННЫЕ МЕМУАРЫ

ЛАВРЕНТИЙ БЕРИЯ

ЛИЧНЫЙ
ДНЕВНИК
1937-1941

*«Сталин
слезам
не верит»*

Лаврентий Берия

**«Сталин слезам не верит».
Личный дневник 1937-1941**

«Яуза»

Берия Л. П.

«Сталин слезам не верит». Личный дневник 1937-1941 /
Л. П. Берия — «Яуза»,

Главная историческая сенсация XXI века! Публикация личного дневника Л.П. Берии, который должны были уничтожить по приказу Хрущева, но, в полном соответствии со знаменитым булгаковским афоризмом: «Рукописи не горят», этот бесценный документ был спасен, более полувека хранился в секретных архивах – и лишь теперь, когда спадает мутная пена «перестроечных» разоблачений, очернительства и антисоветской истерии, передан для публикации Сергею Кремлёву, автору бестселлера «Берия. Лучший менеджер XX века». Этот дневник – уникальная возможность заглянуть в личный мир ближайшего соратника Сталина и услышать его собственный голос. Это – предельно откровенные показания главного свидетеля эпохи, проливающие свет на самые запретные страницы советской истории: Большой террор, катастрофическое начало Великой Отечественной войны, Атомный проект, гибель И.В. Сталина... В первом томе публикуются записи 1938–1941 гг. – от назначения Берии на пост наркома внутренних дел СССР до разгрома немецко-фашистских захватчиков под Москвой.

© Берия Л. П.

© Яуза

Содержание

Предисловие публикатора	5
Берия: путь от Кавказа до Москвы	18
1938 год	21
29/VII-38	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Лаврентий Павлович Берия «Сталин слезам не верит». Личный дневник 1937–1941

Предисловие публикатора

История этой книги началась необычно – как в кино. Три года назад, в 2007 году, в издательстве «Яуза» вышла в свет моя книга «Берия. Лучший менеджер XX века». И, конечно, я был рад, что она была встречена с интересом, хотя и не всегда доброжелательным.

И вот осенью 2008 года в моей квартире раздался звонок, и глуховатый голос после того, как его обладатель выяснил, что разговаривает с Сергеем Кремлёвым, осведомился – интересуют ли меня новые материалы о Лаврентии Павловиче?

Я конечно, ответил, что интересуют, но – смотря какие. Мой неизвестный собеседник сообщил, что знает, что живу я не в Москве, а затем спросил – не собираюсь ли в столицу в ближайшее время?

Я ответил, что собираюсь, и мы договорились о встрече в обусловленный день в Александровском саду. Мне было сообщено, что мой собеседник будет одет в коричневый кожаный плащ «не первой, – как было сказано – молодости», что голова его «украшена ещё более старой, но вполне сохранившейся абсолютно седой шевелюрой», и что он будет ждать меня у искусственного грота.

«Впрочем, – прибавил он, – если меня не узнаете вы, то я узнаю вас, потому что видел вас несколько раз в телевизионных передачах».

Вскоре я выбрался в Москву и оказался в обычном водовороте московских дел. А когда пришло время, добрался до Александровского сада и почти сразу же увидел у грота седого и очень старого человека. Одет он был в осеннее кожаное пальто добротной кожи, но потёртое, что было объяснимо: покрой пальто был моден то ли в пятидесятые, то ли – вообще в тридцатые годы.

Белая голова была непокрыта, серые глаза смотрели изучающе, совсем не по-стариковски. Внешность – славянская, рот волевой, на подбородке – ямка. Роста мой новый знакомый (точнее – таинственный незнакомец) был выше среднего, держался очень прямо, почти спортивно. В левой руке он держал кожаный портфель тоже старинного вида. Я не очень разбираюсь, но, похоже, портфель был настоящей крокодиловой кожи.

Рука у незнакомца оказалась сухой и прохладной. И дело было, как я догадывался, не только в том, что тот памятный для меня московский день выдался хотя и солнечным, но не из тёплых. Незнакомец подтвердил мою догадку, сообщив, что ему пошёл девяностый год. Что ж, в таком возрасте кровь греет плохо.

– Я знаю, что вас зовут Сергей Тарасович, а меня вы можете звать, – тут мой собеседник купно улыбнулся, – например, Павлом Лаврентьевичем.

Я ответил, что рад знакомству и умолк, понимая, что всё существенное мне скажет сам «Павел Лаврентьевич».

Так и вышло. Без долгих разговоров «Павел Лаврентьевич» (в том, что это не настоящие его имя и отчество, я не сомневался) сказал, что в портфеле у него лежат дневники Берии.

– Оригинал? – спросил я, заранее не веря в то, что это правда.

– Нет, фотокопии, – ответил мой собеседник.

Я размышлял, соображая, с кем имею дело, и не зря ли я ехал сюда через пол-Москвы. Манеры и внешность «Павла Лаврентьевича» к нему располагали, но то, что он сказал, было

настолько для меня неожиданным, да и неправдоподобным, что волей-неволей приходилось подозревать в нём, увы, мошенника.

«Павел» же «Лаврентьевич» весело посмотрел на меня и осведомился:

– Хотите убедиться?

Что мне оставалось? Я, конечно, сказал, что хочу, и спросил, на какое время и на каких условиях «Павел Лаврентьевич» может мне эти бумаги оставить.

– Оставить я их вам не могу, – услышал я ответ. – Не могу и сообщить в деталях, как они у меня оказались.

Тут у меня появилось естественное желание немедленно откланяться. Однако я сдержался и поинтересовался в свой черёд: как же тогда мы с ним будем сотрудничать, как он объясняет наличие такого сенсационного материала в старом портфеле, кто он, в конце концов, и чем может подтвердить подлинность документа?

«Павел Лаврентьевич» невозмутимо выслушал меня и сказал:

– Уважаемый Сергей Тарасович! Ваши сомнения вполне законны. Я вам всё, что могу объяснить и хочу объяснить, объясню. А уж там решайте сами, верить мне или нет, и сотрудничать со мной или нет. Причём сотрудничество наше, предупрежу Вас сразу, будет кратким. Сейчас я покажу вам сами дневники, точнее, часть их. Дело в том, что оригинал представлял из себя очень толстую стопку отдельных листов. Полная фотокопия, естественно, ещё толще. Поэтому я привёз вам не всё, но, думаю, этого хватит. Надеюсь, вы достаточно знакомы с почерком Лаврентия Павловича, чтобы убедиться, что почерк автора дневников похож на бериевский. Конечно, вы не графолог, но это вам хоть какая-то дополнительная гарантия. Вы посмотрите эти листы, а затем я передам вам электронную копию дневников.

– Отсканированную? – тут же спросил я.

– Нет, просто набранный текст.

– А кто его набирал?

– Это для вас не должно быть важно. Я не могу сказать вам много, но сообщу, что мы, – это «мы» я сразу же отметил и взял на заметку, – не имеем возможности передать вам насовсем ни фотокопию, ни ксерокопию, ни скан фотокопии. Вы увидите, что там есть пометки, архивные легенды и прочие приметы, которые могут стать существенными для чрезмерно любопытных субъектов. А нам это ни к чему.

– То есть вы, как я понимаю, имеете или имели доступ к очень закрытым архивам? – предположил я.

– Имели, – сухо ответил «Павел Лаврентьевич».

И вот тут я почему-то подумал, что он, возможно, не врёт. Вполне могли быть люди, которые относились к Берии лояльно, имели доступ к изъятым у него бумагам и предприняли шаги по их копированию на случай уничтожения хрущёвцами или другими подлецами.

– А оригиналы сейчас где-то имеются? – спросил я.

– Этого я вам тоже сказать не могу. Кстати, я не могу вам и гарантировать, что вы получите полные дневники. Там имеются большие лакуны в целые месяцы. Возможно, он просто забрасывал на это время дневник, возможно, часть листов была уничтожена. А кое-что мы просто не успели переснять.

Мой собеседник был стар, и я задал естественный вопрос:

– А вы лично были знакомы с Лаврентием Павловичем?

– Ну, говорить о знакомстве я не могу, но я знал его немного лично, а кое с кем из тех, кто знал его хорошо, я был знаком.

Сказав это, «Павел Лаврентьевич» внимательно посмотрел на меня и прибавил:

– Берия был не просто ярким и талантливым человеком, но был разносторонне талантливым человеком. И при этом – хорошим человеком.

«Павел Лаврентьевич» помолчал, потом спросил:

– Вы помните, кто это сказал и о ком? – и продекламировал: – «Он к товарищам милел людскою лаской, он к врагам вставал железа твёрже»?

– Помню... Маяковский о Ленине.

– Так вот, я бы не сказал, что Лаврентий Павлович был ласков к людям. Но он был к ним внимателен и искренне был заинтересован в том, чтобы людям, которые честно делают своё дело, было хорошо.

«Павел Лаврентьевич» вздохнул.

Затем открыл портфель и протянул мне первую стопку не новой фотобумаги. Я начал её просматривать и увидел знакомую руку. На первый взгляд, это писал действительно Берия.

– Не пойму, – спросил я, – вы передаёте это, ну, пусть не это, а электронную версию, мне? А почему вы не обнародуете их сами? И почему обратились именно ко мне?

– Потому что после прочтения вашего «Берии» я понял, что наконец-то появилась книга, которая позволяет всё расставить на свои места. Мне нравится ваша позиция, Сергей Тарасович, вы написали о Берии глубоко и смело. Я бы сказал, что вы написали о Берии в стиле Берии, который не терпел влияния вокруг да около. Посмотрел я и фильм о Берии, где вы участвовали. Ваша манера говорить и думать мне тоже понравились. И я решил, что лучшего варианта, чем вы, не найду. Мы хотим, чтобы вы не просто опубликовали эти дневники, но вдумчиво подготовили их к печати и прокомментировали их.

Предложение было заманчивым, и я внутренне уже согласился, но вопросы оставались. В частности, надо было понять – что «Павел Лаврентьевич» запросит за рукопись, как можно удостовериться в её аутентичности, не получая на руки даже копии, надо ли сохранять в тайне обстоятельства получения материалов от «Павла Лаврентьевича»?.. Впрочем, многие вопросы быстро отпали. Оказалось, что «Павел Лаврентьевич» готов передать мне электронную версию дневников бесплатно и без каких-либо письменных расписок и гарантий с моей стороны. «Я вам доверяю», – пояснил он, но заявил, что экспертиза аутентичности по фотокопиям исключена.

– Я понимаю, что вас этот вопрос волнует в первую очередь, – говорил «Павел Лаврентьевич», – но меня он, простите, не волнует. Берите то, что я вам даю, если желаете, и сопоставляйте хронологию, психологию, фактологию и всё, что вам угодно, в рукописи с известными историческими фактами. И сами решайте – аутентична она или нет. Можете издавать эту рукопись с любыми оговорками относительно ваших сомнений в её подлинности. Можете издавать её как собственное литературное произведение или рассматривать её как чью-то литературную мистификацию – как желаете. Никакого раскрытия инкогнито не будет, потому что вы видите меня, дорогой Сергей Тарасович, в первый и последний раз. Условие у меня одно: внимательно изучите это, подготовьте к печати и постарайтесь издать...

«Павел Лаврентьевич» улыбнулся и прибавил:

– Кстати, относительно авторских прав, если вы это будете издавать... Так вот, считайте, что все авторские права мы передаём вам. Впрочем, иначе и быть не может, если публикатором дневников будете вы.

– Но почему так, «Павел Лаврентьевич»? – удивился я. – Вы что, чего-то опасаетесь? Что, в этих дневниках содержится какой-то взрывчатый компромат, какие-то сенсационные разоблачения и всё такое прочее? Почему такая таинственность?

«Павел Лаврентьевич» покачал головой.

– Никакой таинственности, Сергей Тарасович! А сенсации? Нет там никаких «жареных» сенсаций. Мы потому и остановились в конце концов на вас, что ваша книга весьма точно восстанавливает многие обстоятельства. Вы правы не во всём, но в основном попадаете «в точку». И вы увидите, что дневники Лаврентия Павловича подтверждают вашу правоту со всей убедительностью документа эпохи.

Я начинал выходить из себя.

– Тем более! Неужели для вас не важно, чтобы аутентичность была установлена тоже с убедительностью документа? Ваши фотокопии надо отдать на государственную экспертизу! Вы что – не понимаете, что это такое – подлинные дневники Берии?! Если они, конечно, подлинные.

– Они – подлинные. Но убеждать в этом я никого не намерен.

– То есть? – не понял я. – Это же наша история, «Павел Лаврентьевич»! Вы не имеете права!

И тут «Павел Лаврентьевич» подтянулся, как будто пружина распрямилась. Я не верил своим глазам! Передо мной сидел не девяностолетний старик, а почти юноша с молодыми сверкающими глазами.

– Молодой человек! – почти вскричал он. – Я на всё имею право! Это нынешнее время не имеет никаких прав! Вот вы сказали, что содержимое моего портфеля надо передать на государственную экспертизу... Но государственная экспертиза может существовать лишь при наличии государства. А разве то, что мы сейчас имеем – в Москве, в Киеве, да где угодно, за исключением разве что Минска – это государство? Это Ленин, Сталин и Берия создали могучее государство и возвеличили его! А Хрущ и все остальные заср...цы его проср...ли. Нет сейчас государства, и не отдам я на его «экспертизу» ничего!

«Павел Лаврентьевич» вдруг успокоился, но всё ещё зло заметил:

– Да и не подтвердила бы их подлинность никакая сегодняшняя экспертиза, успокойтесь! Если бы там были описания оргий, описание интимных особенностей изнасилованных девочек и прочая дребедень, то уж тут всё бы подтвердили в лучшем виде. Но в дневниках ничего этого нет – Лаврентий Павлович был человеком скорее аскетического склада, в чём-то даже пуританином, хотя любил хорошо одеться и любил хорошие интерьеры. Но что тут удивительного – он же был архитектором, его дача построена по его же проекту. И хорошему проекту!

Я перебирал листы, а «Павел Лаврентьевич» вдруг хлопнул меня по колену и сказал:

– Знаете, Сергей Тарасович! Разве дело в дневниках Лаврентия Павловича? После таких, как он, осталась держава! Раскройте архивы, поднимите протоколы заседаний, стенограммы, резолюции, проведите экспертизу всех фальшивых доказательств его якобы палачества и садизма – вот уж где экспертиза не помешала бы. И если вы будете объективными, то всё станет на свои места раз и навсегда. И вместо монстра перед нами окажется человек. Очень, к слову, достойный уважения.

Пришло время расставаться. В моём кейсе лежал лазерный диск с электронной версией того, что было представлено мне как дневники Берии.

Мы, уже встав со скамьи, стояли, когда мой собеседник попросил:

– Надеюсь, вы не будете пытаться выяснять, кто я и что я? Прошу вас не делать этого.

«Павел Лаврентьевич» хотел, похоже, сказать ещё что-то, но просто махнул рукой, потом протянул её мне, и я ещё раз пожал её, прохладную, но сухую и крепкую.

На том мы и расстались.

Он ушёл, а я задумался. И задуматься действительно было над чем. То, как некие записи возникли из исторического (вот только – исторического ли?) небытия, позволяло предполагать и тщательно разработанную шутку, на которую не пожалели времени и сил, и литературную мистификацию, и – как ни странно, подлинность, аутентичность дневников Берии.

Первое беглое знакомство с текстом заинтриговало ещё больше. Стиль, детали и многое другое говорили мне, что я читаю дневниковые записи Лаврентия Павловича.

Но...

Но расхожая житейская мудрость рекомендует бояться первого впечатления – оно, мол, обманчиво. Что ж, если ты неопытен, то на первое впечатление лучше не полагаться и с окончательными выводами повременить. Но если ты сведущ в чём-то, то на первое впечатление можно и положиться. Недаром говорят, что информация – мать интуиции. Ведь развитая инту-

иция, это, как правило, умение мгновенно оценить ситуацию или информацию с учётом всего того массива знаний и опыта, которыми человек обладает. И человек с развитой интуицией оценивает ситуацию верно с одного взгляда. В том, конечно, случае, если в голове у него уже до этого был накоплен действительно массив информации, а не жалкая кучка разрозненных и примитивных знаний. Я знал о Лаврентии Павловиче не так уж и мало. И моё первое впечатление не без оснований склоняло к вере в подлинность текста.

А второе впечатление?

А третье?

Да, я знал не так уж и мало. Однако я знал всё же намного меньше того, что надо бы о Берии знать, чтобы вот так, сразу, выносить тот или иной вердикт. Слишком скудна достоверная информация о Лаврентии Павловиче. Полностью достоверными можно считать лишь сведения, содержащиеся в архивных документах, несущих на себе тот или иной отпечаток деятельности Берии, но широкого доступа к архивам «по Берии» не имеет по сей день никто. Если же кто-то хотя бы частичный доступ и получал, как, например, прокурор Сухомлинов, который изучал «следственное дело» Берии (явно расстрелянного к тому времени, когда стряпалось «его» «дело»), то вряд ли автор книги «Кто вы, Лаврентий Берия?» был заинтересован в воссоздании подлинного облика Лаврентия Павловича.

Но то, что это – не облик монстра (как назвал его ныне лижущий сковородки в аду генерал Волкогонов), не садиста и не самодура, явствует как из документов, так и из факта отсутствия неких документов. Ведь по сей день никто из клеветников на Берию не представил каких-либо архивных *документов*, которые достоверно обличали бы Берию как «зверя» и показывали бы его в виде «кровавого палача». Думаю, если бы таковые документы в распоряжении «демократов» и либералов имелись, они бы трясли ими на всех углах.

Но вот же – не трясут.

Бывший ленинградский, а ныне *санкт-петербургский* «историк» Лев Лурье обещал мне переслать горы свидетельств якобы «палачества» Берии, якобы отысканных им и съёмочной группой фильма «Подсудимый Берия» в архивах КГБ Грузинской ССР. Однако «обличительных документов» я не дождался. Не были они представлены и на экране.

Нет подобных доказательств и в опубликованных документах той эпохи (фальшивки типа «катынских» документами считаться, естественно, не могут).

Зато имеются опубликованные документы, доказывающие обратное. И они показывают Берию как порой жёсткого, но человеческого управленца, забота которого о людях выражалась не в похлопывании их по плечу, а в обеспечении нормальных – насколько это зависит от руководителя – условий для проявления людьми деловых качеств, а также в разумной заботе о быте тех, чьи судьбы тебе вверены.

Однако того, что мы пока имеем, явно недостаточно для составления подробной биографии Лаврентия Павловича, то есть – летописи жизни и деятельности исторического лица по дням, а порой и по часам. Если бы она была, можно было бы сравнить с ней тот текст, который «Павел Лаврентьевич» предложил мне как дневники Берии. Увы, биографики Берии мы не имеем, так что даже поверхностная идентификация текста представляла собой проблему.

Я раздумывал...

Грубых, сразу же различимых накладок в дневниковом тексте не было. Но само по себе это не доказывало ничего, хотя всё, что я достоверно знал о Берии, позволяло толковать лежащую передо мной распечатку как подлинный документ эпохи.

Интересным был вопрос, как расценивать то, что оригинал, как следовало из фотокопий, был написан на русском языке. Насколько этот факт доказывал аутентичность текста или, напротив, его поддельность?

Берия был мингрелом и его родным языком был, конечно, грузинский. Однако и русский язык он знал уже с детства. И то, что дневник написан на русском языке, лично для меня ока-

зывалось лишним доказательством его аутентичности – во всяком случае, с психологической стороны. Позволю себе остановиться на этом подробнее...

Не знаю, как хорошо Берия владел грузинской письменностью. То, что он ею владел – вне сомнения, ведь он учился в абхазской школе, на Кавказе. Но также вне сомнения, что он рано перешёл в письме на русский язык. И это объяснимо с любой точки зрения. Берия хорошо понимал значение русского языка для успеха в жизни. А за то, что он был рано ориентирован – самим собой – на достижение такой цели, говорит вся его последующая биография. Лаврентий Павлович всегда имел ярко выраженную огромную трудоспособность и настолько незаурядную натуру, что был бы обречён на успех даже в условиях царской России. У него ведь были явные инженерные и организаторские способности и склонности.

Впрочем, его деятельная натура в условиях нарастающей дестабилизации в Российской империи могла бы привести его и в стан профессиональных революционеров. Берия был бескорыстен, в личных запросах достаточно скромен и эмоционально подвижен. Собственно, в надвинувшихся на Россию грозных бурях он ведь и выбрал судьбу не свидетеля, а участника эпохи, отдавшись борьбе на «красной» стороне баррикад.

В любом случае – и для инженерной карьеры, и для революционной работы – хорошее знание русского языка было необходимо. Причём навык письменности был даже важнее, чем разговорные навыки. Вспомним Сталина. Его первые работы были опубликованы в тифлисской социал-демократической газете «Брдзола» («Борьба») на грузинском языке, но Сталин быстро перешёл на русский, без чего его возможности как общероссийского теоретика и практика революции не могли бы расширяться и укрепляться.

У Берии ситуация была – на своём уровне – схожей, поэтому русский язык как письменный был ему абсолютно необходим уже в молодые годы. Вся же его последующая жизнь только совершенствовала и углубляла навык к выражению мыслей на бумаге на русском языке. При этом и писал Берия весьма грамотно. Многочисленные ошибки и нередкая корявость выражений, которые допущены им в «письмах из бункера» после ареста в июне 1953 года, объясняются, как я понимаю, огромным душевным стрессом, а также тем, что он лишился пенсне.

Если говорить о языке дневника, то его нельзя назвать литературно гладким, но это объяснимо – дневник вёлся крайне занятым человеком, нерегулярно, и это были, что называется, спешные черновые записи «для души». Этим же объясняются, надо полагать, немногочисленные орфографические и более частые синтаксические ошибки.

Но сравнивать дневник с достоверно принадлежащими перу Берии текстами сложно, потому что, насколько мне известно, имеются лишь пять достоверно вышедших из-под пера лично Берии и *опубликованных* документов.

Это, во-первых, автобиография, собственноручно написанная им 22 октября 1923 года. Второй документ стоит отметить особо, это – надиктованное Берией в 1953 году письмо в КБ-11 по поводу имевшей там место быть аварии с исследовательским реактором. Оба документа характеризуют *деловой* литературный стиль Берии, но об уровне грамотности можно судить лишь по первому документу, и этот уровень вполне приемлем для молодого грузина-мингрела. Нет сомнений в том, что с годами уровень письменной грамотности Берии только возрастал, и это вполне объяснимо: Сталин сам был абсолютно грамотным человеком и был весьма нетерпим к неграмотности его сотрудников. Поэтому Берия уже по этой причине не мог не работать над своим уровнем письменной грамотности, а также и над деловым литературным стилем.

Однако в трёх остальных аутентичных документах – я имею в виду три письма Берии, написанных им 28 июня, 1 и 2 июля 1953-го, в адрес ЦК после ареста, уровень грамотности и стиль, что называется, «хромают». Ряд очень неглупых исследователей и прежде всего Ю.И. Мухин отрицают аутентичность этих писем, но по моему мнению, эти три письма написал именно Л.П. Берия, но написал их в состоянии очень сложного по психофизиологической

структуре шока, когда в его душе и разуме самым причудливым образом соединились полная растерянность и сохранённые запасы энергичности, нежелание поверить в то, что многолетние товарищи и коллеги могут так неожиданно, незаслуженно и подло его предать, и сохранённая способность к трезвому анализу, простой человеческий страх перед неопределённым будущим и мысли об уже полной его предопределённости в сочетании с неизбежными мыслями о том, как много ещё надо и можно было бы в жизни сделать для той могучей державы, одним из творцов которой он был.

Находясь в таком состоянии, можно забыть о правилах и грамматики, и стилистики, и синтаксиса.

Дневник в состоянии шока не ведут, но стиль переданного мне дневника являл собой нечто среднее между литературной и грамматической нормой и её нарушением. И это тоже объяснимо. Берия был, безусловно, очень эмоционально подвижным человеком, но умеющим при этом сдерживаться тогда, когда этого требует ситуация. Причём ему ежедневно приходилось как раз сдерживаться, «выходя» порой «из себя» скорее в целях, так сказать, воспитательных. Наедине же с собой ни сдерживаться, ни придерживаться грамматических правил нужды не было, зато в подсознании сохранялось ощущение перманентного дефицита времени. Отсюда, как я понимаю, то отсутствие, то присутствие, например, двоеточий перед прямой речью, то закавыченная, то не закавыченная или не полностью закавыченная прямая речь и т. д.

Впрочем, важнее был вопрос по существу – мог ли Берия, опытный чекист, вообще вести дневник? Что ж, почему бы и нет? Тем более с 1938 года. К тому времени Лаврентий Павлович, безусловно, внутренне сильно уставал. Так почему же он не мог создать себе лишнюю маленькую моральную отдушину? Отдушину в той чёртовой ежедневной круговерти, в которой всё высшее руководство СССР, а особенно Сталин и Берия, крутилось год за годом напряжённой работы. Особенно же – с 22 июня 1941 года. Причём психологические нагрузки у Берии были тогда, пожалуй, в чём-то даже более тяжёлыми, чем у Сталина. Сталин отвечал только перед историей и страной. Это был очень тяжкий груз, но всё же груз несколько абстрактный. Берия же отвечал конкретно перед товарищем Сталиным, хотя масштаб деятельности и ответственности у Берии был тоже историческим и державным.

Так или иначе, для Сталина ведение дневника было исключено начисто с любой точки зрения. Хотя и Сталин, между прочим, не был так уж полностью закован в броню. Он даже коллекционированием увлекался – собирал наручные часы. Он даже автографы собирал – хотя и не так, как это делают экзальтированные девицы, теряющие ум от рок-звёзд.

Но дневник?

Нет, дневник Сталина, если бы он когда-либо «отыскался», не может быть аутентичным. «Дневником» Сталина был Поскребышев. Недаром ведь и у Берии это проскакивает («Мой дневник – это секретари»).

Так как быть всё же с предположением, что Берия мог вести какой-то дневник? Что ж, оно, повторяю, на мой взгляд, психологически достоверно. Вопрос о возможном дневнике Берии, естественно, возникал не раз. И, например, известный исследователь новейшей истории Арсен Беникович Мартиросян в своей книге «100 мифов о Берии» высмеял саму мысль о том, что Берия мог вести дневник. Мол, чекисты дневники не ведут.

Да нет, бывает, – ведут. И не только чекисты. Не вдаваясь в этот деликатный вопрос подробно, напомним, что личный и весьма откровенный дневник вёл такой хитрый лис и ас разведки, как адмирал Канарис. Он на нём и «погорел».

А вот другой пример... Заслуженно известный советский писатель Георгий Брянцев, автор ряда увлекательных книг (в том числе классической «Конец осинового гнезда»), сам был хорошим чекистом, во время войны выполнял специальные задания за линией фронта и, естественно, знал чекистскую среду хорошо. При этом его роман о чекистах «По тонкому льду»

начинается с заголовка «Дневник лейтенанта Трапезникова». Да и главный герой книги – погибший чекист Дмитрий Брагин, вёл в тылу врага записи в записной книжке.

Между прочим, и легендарный, но всё же реальный Николай Кузнецов был задержан бандеровцами, имея при себе письменный отчёт о своей работе – тоже своего рода дневник. Держать его при себе, находясь в тылу врага, было не самым осмотнительным решением, но что делать – чекисты тоже люди.

Как и сталинский чекист № 1 Берия.

Как сегодня достоверно известно, вели дневники некоторые весьма крупные государственные фигуры в СССР, скажем, В.А. Малышев. Он вёл вообще очень подробный дневник, куда сразу же записывал, например, свои разговоры со Сталиным, в том числе – по телефону. Это был своего рода личный *служебный* дневник, но это был всё же *дневник*!

Всё выше сказанное хотя и косвенно, но подтверждало возможность существования дневника Лаврентия Павловича Берии и говорило в пользу «Павла Лаврентьевича».

Да, всё в материалах «Павла Лаврентьевича» выглядело правдоподобно.

Тем не менее я раздумывал.

Подложные «дневники» тех или иных исторических лиц – явление, прижившееся в литературе не вчера. Достаточно напомнить о знаменитых «мемуарах д'Артаньяна» Сандра де Куртиля. Они дали исходный толчок для создания Дюма-отцом блестящей мушкетёрской трилогии, но были, увы, фальшивкой. Впрочем, хотя эти «мемуары» и не вышли из-под пера того, кто формально был обозначен их автором, они вполне принадлежали эпохе. Чтение «мемуаров д'Артаньяна» даже в кавычках – занятие не только увлекательное, но и полезное для понимания сути тех дней и знания реальной истории Франции и Европы.

В нашем веке такой же ловкой литературной мистификацией пушкиноведа Щёголева оказались «дневники Вырубовой» – знаменитой подруги и фрейлины последней российской императрицы.

После Второй мировой войны на Западе появились «дневники Бормана» сомнительной аутентичности, и ещё более сомнительные «дневники Мюллера» – шефа гестапо, якобы укrywшегося в США под крылом заокеанских спецслужб.

Впрочем, явно фальшивые «мемуары Берии» свет тоже увидели. В 1992 году на русском языке стотысячным тиражом была издана книга, которая так и называлась: «Дневники Берии». В издательской аннотации екатеринбургского МП «Конвер» говорилось:

«В основу сенсационного бестселлера американского писателя (Алана Вильямса. – Прим. С.К.) положены личные дневники Берия – известного шефа сталинской секретной полиции, – которые стали сенсационным разоблачением варварских методов советской политики и содержат новые факты из истории послевоенного Советского Союза. Детективный сюжет книги включает в себя историю этих дневников, которые продаются американскому издателю за три миллиона долларов. Две наиболее секретные службы мира КГБ и ЦРУ получают приказ выявить происхождение личных бумаг Берии».

Уж не знаю, существовал ли в природе американский писатель Алан Вильямс, но фигурирующие в его (?) бестселлере «дневники Берии» в реальной жизни – даже по Вильямсу – отсутствовали. В книге Вильямса описывается история *создания* этих дневников двумя ловкими прохиндеями, бывшими сотрудниками радио «Свободная Европа» русским невозвращенцем Борисом Дробновым и англосаксом Томасом Мэлори.

При помощи невозвращенки грузинки Татаны, по мужу-израильтянину – Татьяны Бернштейн, «дневники» переводятся на мингрельский (?) язык и печатаются на машинке с грузинским шрифтом. Затем они предлагаются издателям, но всё заканчивается тем, что агенты ЦРУ убирают Мэлори и Татану, дабы факт подделки «компромата» не стал кому-либо известен, а

агенты КГБ выкрадывают Дробнова, который, чтобы не возвращаться в «Совдепию», выбрасывается из самолёта.

Надо сказать, что история о том, как стряпались «дневники Берии», и сама сляпана наспех и лишь на очень непритязательный вкус может показаться бестселлером.

Отец Берии – крестьянин, становится у Алана Вильямса «местным чиновником при либеральном царском режиме», сам Берия – «главным агентом Ягоды в Женеве и Париже в 1928–1929 годах», вербовщиком «кэмбриджцев» Берджеса, Маклина и Филби, а также первым секретарём никогда не существовавшей «Закавказской компартии» (Берия был первым секретарём Закавказского крайкома ВКП(б) и первым секретарём ЦК Компартии Грузии).

О самом деятельном и толковом члене Государственного Комитета Оборона, ставшем в 1944 году заместителем Председателя ГКО И.В. Сталина, в книге Вильямса сказано, что «его деятельность в комитете была плачевной».

Ну, такие «мелочи», как звание Героя Советского Союза в 1943 году вместо реально полученного Лаврентием Павловичем звания Героя Социалистического Труда и 15-миллионный «бериевский» ГУЛАГ времён войны, можно уже и не считать.

Однако нельзя не признать, что создатель «дневников Берии» был неплохо – для начала 90-х годов – осведомлён о многих реальных деликатных или неблагоприятных деталях исторической ситуации в СССР Сталина. Но ряд точных сведений и оценок не изменяет общего низкого качества подделки и её однозначной антиисторичности.

Из «дневников Берии» работы Алана Вильямса Лаврентий Павлович предстаёт перед читателем сластолюбцем, циником и интриганом. При этом Берия работы Вильямса – Мэлори – Дробнова оказывается, естественно, неплохим литератором со своим литературным стилем.

В целом же он оказывается глупцом.

Глупцом потому, что если Наполеон не доверял свои замыслы даже подушке, то Берия – по Вильямсу – доверял бумаге, например, вот что:

«Занимаюсь личным составом. Рафик представил полный отчёт о наших возможностях. Силы специального назначения в составе 300 тысяч человек с опытными командирами, на которых я могу положиться, так как они знают, что если сметут меня, то сметут и их...»

Это якобы написано Берией в Барвихе в ноябре 1952 года и якобы доказывает, что он готовил государственный переворот и убийство Сталина.

Первая якобы дневниковая запись в книге Вильямса начинается так:

«Гагра, июнь 1949 г.

Проснулся с восходом солнца с ощущением бодрости в теле и сильного плотского желания. Черное море, как обычно, чудесно влияло на мой организм. (Даже после вчерашней выпивки голова была совершенно ясной.)
...»

Далее якобы Берией описывается часто упоминаемое в антибериевской литературе катание на катере: «Я расхохотался и спросил, как ему нравится моя игрушка (*катер*. – С.К.)? Ведь правда хороша штука, прямо для западного плейбоя (*ну-ну, слово явно из словаря Берии*. – С.К.) с девочками».

Затем появляется и «девочка» – якобы «подцепленная» в море некая «известная советская чемпионка по плаванию на дальние дистанции» Людмила.

Якобы Берия в «своём» якобы дневнике пишет о ней так:

«Я притормозил, схватил бинокль и направил на неё. Вот это да! Ну прямо статуэтка, вся золотисто-коричневая в ослепительно-белом купальнике; когда мужчины тянули ее на борт, ягодицы ее торчали, как две спелые сливы...»

«Людмила» осталась, естественно, на ночь и «мы хорошо развлекались, я делал с нею все, что хотел, но она оказалась хорошей ученицей».

Всё это могло бы, возможно, кого-то и убедить. Но вот незадача – изучение ныне полностью изданного (обозначенным тиражом, правда, в 350 экземпляров) Журнала записей лиц, принятых И.В. Сталиным в 1924–1953 годах, показывает, что Л.П. Берия присутствовал на совещаниях у Сталина 1, 4, 10, 11, 18, 20, 25, 29 июня 1949 года.

То есть Берия был на всех июньских совещаниях 1949 года в сталинском кабинете.

Он был там и на всех июльских совещаниях 1949 года: 2, 6, 9, 13, 16, 18, 23, 25, 29, 30 июля...

И на всех августовских – тоже. Они проходили у Сталина 1, 2, 5, 6, 9, 10, 12, 15, 18, 19, 20, 22 августа с участием Берии, вплоть до 24 августа 1949 года. Через день Берия выехал в Казахстан на Семипалатинский ядерный полигон, на предстоящее 29 августа 1949 года первое испытание советской атомной бомбы.

2, 9, 16, 23 и 30 июня, 7, 14 и 21 июля, 10, 13, 16, 25 августа 1949 года Берия принимал участие в заседаниях Бюро Совета министров СССР, причём 16 июня, 7 июля, 10, 13, 16 августа 1949 года он на этих заседаниях председательствовал.

4 июня 1949 года Берия подписал представляемый Сталину перечень проектов Постановлений и распоряжений Совета министров СССР по атомной проблеме.

17 июня 1949 года Берия принимал участие в заседании Политбюро ЦК ВКП(б).

23 июня 1949 года Берия наложил визу на записку первого заместителя министра Вооружённых сил СССР Соколовского и начальника Генерального штаба Штеменко о желательности передачи 105, 106, 107 и 108 военно-дорожных отрядов в МГБ СССР.

График, как видим, разнообразный, насыщенный и полностью московский. Так что забавляться с чемпионкой «Людмилой» в июне 1949 года в Гаграх Лаврентий Павлович не мог никак.

Подробно анализировать «Дневники» Вильямса – пустое дело. Достаточно сказать, что общий низкий – даже по нынешним временам торжествующей некомпетентности – уровень «бестселлера» исключил возможность его перепечаток в дальнейшем – после первой публикации в 1992 году. Надо полагать, тираж в сто тысяч полностью насытил формирующийся «россиянский» рынок подобной макулатуры раз и навсегда.

То, что передал мне «Павел Лаврентьевич», было принципиально иным и на правду походило. Вот почему я согласился принять на себя труд подготовки рукописи к изданию с рядом необходимых справок, комментариев и примечаний.

По мере работы – а за два года мне пришлось поработать немало, сверяя даты и факты, роюсь в доступных мне архивных документах и разного рода мемуарах и «мемуарах» – моё чувство текста и эпохи, естественно, возрастало. И сейчас, по завершении работы, я хотел бы поделиться с читателем рядом своих наблюдений и догадок.

Вот, например, интересный, на мой взгляд, момент. В дневнике нет ни одной записи, касающейся работы Бюро № 2 при Председателе Специального комитета, через которое шёл основной поток разведывательной информации по атомным вопросам. В ныне рассекреченных документах советского Атомного проекта эта сторона вопроса освещена неплохо, и можно найти немало просьб тех или иных руководителей об осведомлении ряда их подчинённых с деликатной информацией. Так, академик Хлопин дважды обращался лично к Берии с подобной просьбой, неоднократно просил об этом же Курчатов.

Вопреки распространённому заблуждению с определённого момента круг так или иначе допущенных к ознакомлению с материалами Бюро № 2 был весьма велик. К 4 января 1949 года список ознакомленных насчитывал 35 фамилий, включая академиков Курчатова, Семёнова, Хлопина, Иоффе, Вавилова и других учёных, занятых в Атомной проблеме, в том числе – Харитона, Зельдовича, Франк-Каменецкого и др.

Судя по отсутствию записей, самого Берия этот вопрос волновал мало, он находился на периферии его интересов. И по одной этой детали можно понять, насколько высоким был общий уровень проблем, занимавших Л.П. Берия как государственного деятеля, если факт получения ценной информации по атомным вопросам из-за рубежа был для него, надо полагать, малозначащим – с позиций ведения личного дневника.

Интересно и то, как Берия именует наедине с собой Сталина – то «товарищ Сталин», то просто «Коба». Причём официальный, так сказать, вариант в ряде случаев выглядит как проникнутый горькой иронией или досадой, а в ряде случаев – чуть ли не насмешливо. Психологически это объяснимо. Есть неглупое изречение: «Чем старше мы становимся, тем больше у нас оказывается ровесников». Всё верно. Сталин был ровно на двадцать лет старше Берии. В 1919 году двадцатилетний Берия даже в мыслях не мог и близко ставить себя рядом со Сталиным и как-то себя с ним сравнивать.

А как в 1949 году, когда Берии исполнилось пятьдесят, а Сталину семьдесят лет?

Характерна в этом отношении деталь с подписями Сталина и Берии.

Сталин долгое время подписывался полностью «Сталин», а визу ставил в левом верхнем углу. С годами нормой становится сокращённая подпись «И Ст.», при этом свою подпись Сталин накладывает прямо по тексту. Берия до конца использовал полную подпись «Л Берия», но самый последний опубликованный его автограф – подпись на не зарегистрированном Постановлении СМ СССР «О задачах и программе испытаний на полигоне № 2» в 1953 году выглядит так: «Л Б». Это ведь тоже, пожалуй, говорит о психологически ином, более высоком уровне осознания себя.

Берия, безусловно, до конца уважал Сталина, но с начала по крайней мере 50-х годов не мог уже смотреть на него только снизу вверх. Как эффективные менеджеры они к тому времени уже стоили, пожалуй, друг друга.

При этом оба они, и Сталин, и Берия, очень уставали и к 1953 году устали – от всего! От груза государственных проблем, от неизбежной лести части окружающих, от многообразного, так сказать, однообразия повседневной жизни.

Но Сталин был на двадцать лет старше, Берия имел фору в два десятка лет и понимал, что за эти годы он и страна могут совершить очень много. А упорное нежелание Сталина формально сделать Берия своим преемником не могло Лаврентия Павловича не обижать, а порой и злить. И тут был прав ученик, а не учитель.

Надо, пожалуй, сказать несколько слов о смещении дат в дневниках военных лет. Иногда запись за то или иное число датирована одним днем, но сделана могла быть только на следующий день, если судить по ныне опубликованному Журналу посещений кремлёвского кабинета И.В. Сталина.

Это вполне объяснимо – совещания у Сталина проходили, как правило, во второй половине дня до полночи и позднее, с переходом в ночь следующего дня. Иными словами, для ближайших сотрудников Сталина, к которым относился, естественно, и Берия, ночь превращалась в день, день – в ночь, и личные записи датировались с учетом этой особенности жизни.

В первый период работы, когда я лишь осваивал текст, меня смущали как длительные, порой, перерывы в записях, так и малое их количество в некоторые годы, особенно во второй половине 1941 года, в 1942, 1950 и 1951 годах. Но потом я – во всяком случае, для себя – нашёл объяснение этому.

Немногочисленность записей за первые военные полтора года вполне понятна. Как свидетельствуют объективные мемуаристы, тогда Берию можно было застать в рабочем кабинете «живьём» или по телефону практически в любой момент суток.

Впрочем, как признавался «Павел Лаврентьевич», возможно, часть текста была изъята до того, как он и его товарищи смогли снять с дневников фотокопии. **Более подробно на этом пикантном моменте я остановлюсь в комментарии к дневниковой записи от 10 июня 1941 года. Сразу рекомендую читателю прочесть этот комментарий внимательно.**

К весне 1943 года ситуация обрела черты стабильности и уверенности в благополучном для СССР исходе войны. У Берии появилось больше свободного времени. С другой стороны, необходимость в доверенном «собеседнике» возросла, потому что у Берии произошёл раскол в семье – у него появилась женщина, о чём он тогда же сказал жене Нино. Результатом стало, конечно же, отчуждение супругов, что Берия переносил тяжело (более подробно об этом будет сказано в послесловии).

Скудный объём дневника за 1950 год я объясняю высоким тоном его автора в то время, а тоже скудный объём записей за 1951 год, напротив, тем, что в 1951 году Лаврентия Павловича, если судить по дневнику, чаще посещали минорные мысли и настроения.

И тому есть свои причины. Слишком много проблем накопилось в СССР к 1951 году. Всю их сложность, многомерность Берия не видеть не мог. Он сознавал, что эти проблемы решаемы, но при этом не мог не сознавать, сколько для этого надо приложить усилий, в том числе и ему. А он ведь был уже не юношей с горящими глазами.

Впрочем, относительная скудость объёма дневника ряда послевоенных лет может иметь и другое объяснение (см., в частности, комментарий к дневниковой записи от 10 июня 1941 года).

Должен сказать, что работа по подготовке дневника Л.П. Берии к печати лишь укрепила те мои выводы, которые я сделал ранее относительно Берии и его эпохи. Эти выводы были уже изложены мной в ряде своих книг.

Что же до дневников Берии, то в них не оказалось никакого «грязного белья» в том смысле, какой этому выражению обычно придают. Да ничего подобного в бериевских дневниках и не могло оказаться: сталинских соратников пакетами акций никто не подкупал, тайных садистских наклонностей они не имели и «откатами» не занимались.

Другое дело – освещение некоторых периодов в истории СССР. Здесь о сенсации (как о неожиданном откровении) говорить можно. Например, как следует из дневников, именно Берия – в отличие от устоявшихся клише, своей объективной информацией об угрозе войны своевременно, за несколько дней до 22 июня 1941 года, переломил убежденность Сталина в том, что войны в 1941 году можно избежать. Такой факт, конечно же, сенсационен.

И все же записи Берии не раскрывают никаких «грязных» «тайн кремлёвского двора». Поэтому можно сказать, что сенсационность дневника Берии заключается ещё и в том, что сенсация (как некие «жареные» факты) в них отсутствует! Что они подтверждают: на высшем уровне сталинского руководства никаких особо пикантных тайн не было.

Повторяю: никто из, так сказать, доброкачественной, то есть прошедшей с ним до конца его жизни «команды» Сталина не был ни тайным педофилом или гомосексуалистом, ни тайным провокатором охраны или запойным алкоголиком, ни скрягой-накопителем, ни коррупционером, ни предтечей разного рода «уотергейтов» и «куршевелей»...

Правда той эпохи заключается в том, что нормальные люди, далеко не ангелы, но и не черти с рогами, занимались тогда большим и важным государственным делом. Строили державу, защищали её, восстанавливали разрушенное, развивали.

И руководили – пусть и не всегда идеально – этим процессом.

В сборнике документов «Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953», изданном в 2002 году, на с. 154–157 опубликованы три записки Л.П. Берии в Бюро Совмина

СССР: о состоянии лесосплава от 26.02.48 г., о механизации лесозаготовок от 14.03.48 г., и по отчёту министра лесной и бумажной промышленности СССР от 28.09.48 г.

Всего три серьёзных документа на одну и ту же тему! А ведь год за годом число их, проходивших через Берию в течение года, достигало, по крайней мере, двух-трёх тысяч! И – по доброму десятку тем!

Какой надо было обладать усидчивостью и работоспособностью, чтобы хотя бы *прочитывать* всё это! А ведь надо было ещё прочитанное усваивать, осмыслять, и не просто так, а для принятия решений. И не просто решений, а верных, *компетентных* решений в весьма разных сферах жизни и деятельности государства, экономики, общества.

Спору нет, как правило, лично Берия не готовил «рыбу» своих записок, писем и т. п. по специализированным вопросам. Проекты документов готовили его помощники, специалисты в конкретной проблематике. Но всё равно поток исходящих и входящих документов проходил через Берию и Берией эффективно и компетентно контролировался!

Какие тут интриги, шашни, «тайны кремлёвского двора» и «кремлёвской кухни»! Тут бы до кровати добраться да супу похлевать. Одна отрада – в отпуск в родные места вырваться, благо эти родные места как раз и есть райский уголок.

Да ещё разве что урвать – когда пяток минут, а когда полчаса – для потаённого «дружка»-дневника.

Засим мне остаётся сказать следующее.

В исходной электронной версии не было разбивки по годам. Записи из года в год идут слитно. Я, для удобства читателя и собственного, дал записям каждого года соответствующий заголовок.

Далее... Проверка пунктуации показывает, что знаки препинания чаще всего присутствуют (но нередко и не присутствуют) там, где им и положено быть, то есть автор текста обладал неплохой синтаксической культурой. В рукописи практически нет и грамматических ошибок, кроме явных описок. Но Берия вообще-то был весьма грамотен и неплохо образован, имел вкус к чтению.

Чем дальше я продвигался в анализе переданных материалов, тем больше у меня возникало возможных вопросов к «Павлу Лаврентьевичу» и его неизвестным помощникам. Увы, я этого был лишён. Был бы благодарен, если бы «Павел Лаврентьевич», дай Бог ему здоровья, счёл возможным откликнуться и прояснить хотя бы для меня ряд невыясненных моментов.

Так или иначе, моя утомительная, признаюсь, работа, наконец, закончена. И я представляю её итоги на суд читателей, не скрыв от них тех обстоятельств, которые предшествовали изданию книги.

Не знаю, жив ли «Павел Лаврентьевич» сейчас. Даже самые крепкие на вид старики в возрасте за девяносто могут уйти неожиданно, в любой момент, но я надеюсь, что «Павел Лаврентьевич» всё ещё жив и здоров и эту книгу прочтёт.

Сергей Кремлёв (Брезкун)

Берия: путь от Кавказа до Москвы *Вводный очерк*

Биография Лаврентия Павловича Берии и сегодня известна недостаточно широко, поэтому я счёл целесообразным кое-что читателю напомнить, начав с биографической справки о нём, опубликованной в массовом календаре-справочнике на 1941 год, изданном Государственным социально-экономическим издательством (Соцэкгиз):

Лаврентий Павлович Берия родился 29 марта 1899 г. в селении Мерхеули (Грузинская ССР) в бедной крестьянской семье. В партию большевиков т. Берия вступил в марте 1917 года в Баку. В 1918–1920 гг., в период господства муссаватистов и меньшевиков в Закавказье т. Берия вел активную подпольную работу в Баку и Грузии. В 1920 г. т. Берия был арестован меньшевистским правительством Грузии. По настоянию С.М. Кирова, который работал в то время полномочным представителем Советской России в Грузии, т. Берия был выслан из Грузии в Советский Азербайджан. С 1921 г. т. Берия на руководящей работе в органах советской разведки. С ноября 1931 г. – первый секретарь ЦК КП(б) Грузии, а в 1932 г. и первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б)

...

С конца 1938 г. т. Берия – народный комиссар внутренних дел СССР. С XVII съезда – член ЦК ВКП(б), с марта 1939 г. – кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). Тов. Берия – один из виднейших руководителей ВКП(б) и ближайших учеников и соратников товарища Сталина...»

Так оно и было – в основных чертах. Вначале – работа в органах ЧК и ОГПУ, затем – после того как Берия зарекомендовал себя деятельным работником, способным быстро разбираться в разнородных проблемах и решать их, – перевод на крупную партийную работу. С 1932 года Берия – формальный и неформальный лидер всего Закавказья.

Могло ли быть иначе? Могло – в том смысле, что Берия мог шагнуть на руководящие партийные высоты не из органов ОГПУ, а, например, после работы в народном хозяйстве. Дело в том, что Берия очень хотел стать инженером-строителем, а скорее – архитектором. Ещё до революции он поступил в Бакинское механико-строительное училище и к 1918 году окончил его. После установления в Азербайджане советской власти училище осенью 1920 года было преобразовано в Политехнический институт, и Берия сразу же в него поступает.

Он хочет быть студентом, однако доучиться ему не пришлось – партия сказала, что он должен стать чекистом. ЦК Компартии Азербайджана назначает 22-летнего Лаврентия Берия в Азербайджанскую ЧК заместителем начальника секретно-оперативного отдела (СПО), а вскоре – начальником СПО и заместителем председателя АзЧК.

В ноябре 1922 года Берия распоряжением Закавказского крайкома отзывается из АзЧК в распоряжение ЦК КП(б) Грузии. В Тифлисе его назначают начальником секретно-оперативной части и заместителем председателя ЧК Грузии.

К тому моменту, когда Сталин решил перевести Л.П. Берия на руководящую партийную работу, он возглавлял уже всё ОГПУ Закавказья. Надо сказать, что Берии, как руководителю чекистов Закавказья, приходилось работать в особо сложных условиях, но он работал не только эффективно, но ещё и – насколько это было возможно – бескровно. Известна история с эмиссаром меньшевиков Джугели, арестованным ГрузЧК и обратившимся из заключения к своим сотоварищам с призывом прекратить борьбу из-за её бессмысленности. Поступить так убедил Джугели именно Берия. И это был его стиль.

Став первым секретарём ЦК КП(б) Грузии в 1931 году, Берия руководил республикой до конца лета 1938 года. С 1932 года до разделения в 1936 году Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) на Азербайджанскую, Армянскую и Грузинскую ССР, Берия руководил, как первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), и всем Закавказьем.

Когда «продвинутые» «демократические» «историки» говорят о кавказском периоде деятельности Берии, то вспоминают лишь репрессии 1937–1938 годов, которые якобы были раздуты им до огромных размеров. Однако в действительности Л.П. Берия вошёл в историю (пусть это сейчас и замалчивается) как наиболее выдающийся и эффективный реформатор Кавказа и прежде всего – Грузии.

К 1940 году Грузинская ССР держала абсолютный рекорд среди всех остальных союзных республик, включая РСФСР, по темпам экономического развития. Если принять 1913 год за единицу, то к 1940 году объём промышленного производства в Грузии вырос в 10 раз, а сельскохозяйственного – в 2,5 раза при принципиальном изменении структуры сельского хозяйства в сторону высокодоходных культур субтропической зоны.

Что же до «кровавых репрессий», то к окончанию чекистской операции 1937–1938 годов в заключении в различных тюрьмах и лагерях НКВД находился примерно один из 277 жителей Грузии. Для сравнения напомним, что в нынешней «Россиянии» «сидит» примерно каждый стопятидесятый, то есть в Грузии времён Берии количество заключённых на 1000 человек было примерно в два раза меньшим, чем в ельциноидной «Россиянии» в нынешние «демократические» времена.

Даже по весьма подозрительным подсчётам конца 1953 года в Грузии в 1937–1938 годах к высшей мере наказания было осуждено 8 тысяч человек. Много это или мало для бурных времён, когда реальной чертой жизни оказывалась острая социальная борьба нового со старым, и наоборот?

Сейчас «бухгалтеры» горе-«реформатора» Саакадзе увеличивают цифру репрессированных в Грузии по 1-й категории (то есть приговорённых к высшей мере наказания) до 15 тысяч человек, что ещё более сомнительно. Но если принять такую цифру за достоверную – что тогда? При населении Грузии в 3,5 миллиона человек это даёт четырёх расстрелянных на тысячу жителей. Много это или мало?

Ещё в 1920 году Грузия была меньшевистской. По сути, правительственная партия меньшевиков насчитывала тогда до 80 тысяч членов, из них не менее 10 процентов – активных, включая функционеров. Грузинских большевиков тогда было не более двух тысяч человек.

Антисоветские и антирусские настроения поощрялись и питались не только меньшевиками, но и их западными покровителями. В Грузии, как и вообще в Закавказье, активно насаждали свою агентуру американцы с англичанами, французы с турками, и даже поляки (последние, к слову, весьма активно). Грузинский пролетариат был ещё слаб, зато была велика прослойка купцов, дворян, разного рода князей, торговцев, полууголовных люмпенов и т. п.

Так спрашивается – что, в грузинском городке с населением в, скажем, пять тысяч в конце 30-х годов не было двух десятков активных врагов Советской власти?

Да их там было и ещё больше! Не считая традиционных для Кавказа коррупционеров.

Однако, вопреки клевете на него, Берия не имел палаческих наклонностей (он даже охоту не любил, предпочитая ей рыбалку) и неизбежные по той ситуации репрессивные меры принимал так, чтобы, по возможности, минимизировать их. Тем не менее его репрессивная политика оказалась весьма эффективной в том смысле, что активной «пятой колонны» в Грузии и вообще в Закавказье, несмотря на всё их стратегическое значение, немцы не имели даже в период своих наибольших успехов на Кавказе.

Возможная германская оккупация Грузии унесла бы, по крайней мере, 50–60 тысяч жизней только грузин (не говорю уж о грузинских евреях). То есть, при любом угле зрения – если

не надевать, конечно, чёрные очки – объективная «арифметика» репрессий в Грузии не обвиняет, а оправдывает Берия. Он и его чекисты сумели оздоровить внутреннюю ситуацию в республике минимально возможной кровью.

Обойтись же вообще без крови было нельзя, потому что наличие мощной «пятой колонны» в преддверии возможной большой войны привело бы в случае войны к намного большей крови.

Как уже было сказано, Грузия под руководством Берии развивалась исключительно динамично и при этом – гармонично. Берия в Грузии – это первый расцвет грузинской экономики, науки, образования, культуры (в том числе – физической)... Это – период реконструкции Тбилиси, массового городского и промышленного строительства, преобразования Грузии во все-союзную курортную зону. Однако в конце лета 1938 года Берия навсегда уезжает из Грузии в Москву по вызову Сталина.

Сталину вновь потребовался чекист Берия, а не социалистический менеджер Берия. Забегая вперёд, скажу, что и в НКВД Берия проявил себя прежде всего как эффективный реформатор, а затем достаточно быстро вырос в выдающуюся фигуру общегосударственного масштаба.

При этом назначение Л.П. Берии в НКВД было логичным не только потому, что Сталину надоели во главе НКВД разного рода политиканы, которые то и дело норовили вляпаться сами и вляпать других в те или иные антисталинские, а фактически в антисоветские заговоры. В отношении же Берии заранее можно было не сомневаться, что он будет толково, самоотверженно и честно заниматься прямым делом, укрепляя, а не расшатывая государство.

Однако суть была не только в этом, как и не только в том, что Берия имел огромный чисто чекистский опыт. Это малоизвестно, но Берия входил в ту узкую комиссию, которая была образована Политбюро 20 марта 1934 года для разработки проекта Положения об НКВД СССР и Особом совещании НКВД СССР.

Вот состав комиссии: Каганович (председатель), Куйбышев, Ягода, Ст. Косиор, Берия, Чубарь, Гр. Леплевский, Акулов, Вышинский, Прокофьев, Булатов, Агранов, Балицкий, Реденс, Бельский и Крыленко.

Из этого состава Ягода, Леплевский, Прокофьев, Булатов, Агранов, Балицкий, Реденс и Бельский были «чистыми» чекистами и входили в руководство ОГПУ СССР, которое предстояло преобразовать в НКВД СССР.

Каганович тогда был как минимум левой рукой Сталина, если считать, что правой был Молотов. Впрочем, не будет ошибкой считать и наоборот.

Куйбышев к марту 1934 года занимал пост Председателя Комиссии советского контроля при СНК СССР (в мае 1934 года он был назначен 1-м заместителем Председателя СНК и СТО СССР).

Косиор был тогда 1-м секретарём ЦК КП(б) Украины, Акулов и Вышинский представляли Прокуратуру СССР, Крыленко был наркомом юстиции СССР, а Булатов – заведующим Отделом руководящих партийных органов (ОРПО) ЦК ВКП(б).

Берия же занимал пост 1-го секретаря Закавказского крайкома ВКП(б) и 1-го секретаря ЦК КП(б) Грузии. По масштабам страны – не самый высокий уровень, однако при его назначении в комиссию явно были учтены не просто его деловые качества, но именно чекистский опыт.

К лету 1938 года из всего состава комиссии в строю оставались только Каганович, Вышинский и Берия. Куйбышев умер, остальные были репрессированы. И теперь, при назначении Берии в НКВД, Сталин и его ближайшие соратники не могли не помнить о том, что Берия стоял у начала НКВД и принял в первой реформе ОГПУ в НКВД прямое и активное участие.

Вот кратко – о пути Лаврентия Павловича Берии от Кавказа до Москвы.

1938 год

29/VII-38

Никогда не думал, что буду писать дневник. У меня вместо дневника секретари. А тут потянуло. Хоть с кем-то надо посоветоваться, даже Нино сказать не могу. Можно только с собой. А это называется дневник. Попробую, может поможет. Каждый день записывать не получится, но это и не надо. А выговориться надо.

Получил личное письмо от товарища Сталина. Серьезное письмо и надо крепко подумать. Предлагает вернуться на чекистскую работу, в Москву, первым замом Ежова.

Николай¹ человек сложный. Наломал дров с репрессированием, а самое тяжелое в разведке. Предал Никольский², предал Кривицкий³, предал Люшков⁴. Это крупные провалы. Коба пишет, что не знает, кому верить. В разведке долго заправляли Артузов⁵, Слуцкий⁶, Урицкий⁷ и прочие бл...ди. Способности есть, но авантюристы, я всегда так считал. И воспитывали авантюристов. Куда повернут, никогда не было ясно, они меня часто дое...ывали еще по работе ОГПУ.

НКВД и военная разведка засорены кадрами Ягоды и Троцкого. Коба пишет, я один из всего партийного руководства хорошо знаю чекистскую работу и только я могу выправить дело.

¹ Ежов Николай Иванович (1895–4.02.1940), партийный и государственный деятель. Сын литейщика, участник Первой мировой войны, был ранен. В мае 1917 года вступил в партию большевиков. С 1 февраля 1935 г. – секретарь ЦК ВКП(б), с 12 октября 1937 года кандидат в члены Политбюро ЦК, Генеральный комиссар государственной безопасности СССР. 26 сентября 1936 года назначен наркомом внутренних дел СССР вместо снятого Генриха Ягоды. С апреля 1938 по апрель 1939 года также нарком водного транспорта СССР. Провёл чистку НКВД и руководил проведением основных этапов чекистской операции по массовому репрессированию антисоветских элементов, допустил серьёзные перегибы, оказался вовлечённым в политические авантюры. 25 ноября 1938 года заменён на посту НКВД СССР Л.П. Берией, 10 марта 1939 года лишён всех партийных постов, 10 апреля 1939 года арестован, 4 февраля 1940 года расстрелян.

² Никольский Лев Лазаревич (Орлов Александр Михайлович, настоящее имя Фельдбинг Лейба Лазаревич) (1895–1973), высокопоставленный сотрудник ЧК – ОГПУ – НКВД, майор госбезопасности (1935), с 1933 по 1937 год нелегальный резидент ИНО ОГПУ – НКВД во Франции, в 1937–1938 гг. резидент НКВД в Испании и советник испанского республиканского правительства. В 1938 году перебежал в США, прихватив из резидентуры оперативный запас валюты (более 50 тыс долларов). Жил в США.

³ Кривицкий Вальтер Германович (Гинзберг Самуил Гершевич) (1899–1941), член РКП(б) с 1919 года, с 1918 по 1921 год на нелегальной работе в Австрии и Польше, с 1921 года сотрудник 4-го (разведывательного) управления Штаба РККА, с 1931 г. в ИНО ОГПУ, с октября 1935 года нелегальный резидент ИНО в Голландии, осенью 1937 года попросил политическое убежище во Франции. В 1941 году покончил жизнь самоубийством (возможно, ликвидирован). Выдал сотрудникам западных спецслужб более 100 советских разведчиков-нелегалов в Западной Европе, чуть не «засветил» «кембриджскую пятёрку», в том числе Кима Филби.

⁴ Люшков Генрих Самойлович (1900, Одесса – 19.08.1945, Дайрен, Маньчжурия), один из руководителей органов государственной безопасности, самый высокопоставленный перебежчик из НКВД к врагу. В органах ЧК с июня 1920 года, комиссар ГБ 3-го ранга (1935), протеже Генриха Ягоды, заместитель начальника СПО НКВД СССР. Перемещён Н.И. Ежовым из центрального аппарата на периферию, с июня 1937 года начальник Управления НКВД в Дальневосточном крае, 13 июня 1938 года бежал к японцам, сотрудничал с разведкой Квантунской армии, после разгрома Японии ликвидирован начальником Дайренской военной миссии Японии.

⁵ Артузов (Фраучи) Артур Христианович (1891–1937), один из руководителей органов госбезопасности и разведки, талантливый контрразведчик, один из руководителей операции «Трест», с июля 1931 года начальник Иностранного отдела (ИНО) ОГПУ СССР, затем в ГРУ ГШ РККА. Арестован 13 мая 1937 г., 28 августа 1937 г. приговорён к ВМН.

⁶ Слуцкий Абрам Аронович (1898–17.02.1938), один из руководителей внешней разведки ОГПУ – НКВД, протеже Генриха Ягоды, с мая 1935 года сменил А. Артузова на посту начальника ИНО. Утверждается, что был отравлен, однако более вероятен вариант самоубийства из-за боязни разоблачения связей по заговору Ягоды, арестованного 4 апреля 1937 года.

⁷ Урицкий Семён Петрович (1895–1.08.1938), один из руководителей военной разведки, с 1927 по апрель 1935 года на различных должностях в РККА, с апреля 1935 года начальник 4-го (разведывательного) управления Генерального штаба РККА, 1 ноября 1937 года арестован, 1 августа 1938 года расстрелян.

Жмет на сознательность, подписался «Коба». Пишет, что наведешь порядок в ЧК и потом если захочешь, вернешься домой.

Легко сказать вернешься. Даже если вернешься, темп потеряш (*Так в тексте, но это явная описка, как и в ряде других случаев. – С.К.*⁸). А темп мы взяли хороший. Самый высокий в Союзе⁹.

Не хочется уезжать с Кавказа. Здесь дышать легко и сам себе голова. И дела много. Всю жизнь жил на Кавказе работал на Кавказе, никуда не перебрасывали. И не хочу.

Когда муд...ки заправляли, гнило было. Что Лаврентий¹⁰, что Мамя¹¹. А когда Коба мне поверил, дал власть, я Грузию двинул так, что пусть кто другой попробует. За шесть лет не узнать. Это же ясно видно! И только все наладилось, а тут снимайся, Лаврентий, кати в Москву. Шпионов лови. Я их в ЧК на всю жизнь наловился.

Самое тяжелое время пережили, сколько ср...ни вычистил, подполье задавил, промышленность развил, науку поднял, Тифлис реконструировал. Сразу видно, что сделано, видно что делать надо. А чистить после этих жидов ГУГБ (*Главное управление государственной безопасности НКВД СССР. – С.К.*

⁸ Явные грамматические ошибки каждый раз оговариваются публикатором в круглых скобках курсивом с пометкой «С.К.». Однако необходимо отметить, что эти оговорки в скобках (*Так в тексте*) имелись уже в исходной электронной копии, переданной «Павлом Лаврентьевичем».

⁹ Берия, как мы знаем, не хвалился. Грузинская ССР именно при его руководстве обрела подлинный всесторонний расцвет (см. вводный очерк).

¹⁰ Картвелишвили Лаврентий Иосифович (1890–22.8.1938), партийный деятель, член РСДРП(б) с 1910 года, в 1931 году секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), затем в Западно-Сибирском и Дальневосточном краях, с декабря 1936 года первый секретарь Крымского обкома ВКП(б). В июне 1937 года исключён из партии, в июле арестован, в августе 1938 года расстрелян.

¹¹ Орахелашвили Иван (Мамя) Дмитриевич (1881–1937) партийный и государственный деятель, из дворян, окончил Военно-медицинскую академию (1908), член РСДРП(б) с 1903 года. После установления Советской власти в Грузии занимал ряд высших постов в республике и ЗСФСР, в мае 1920 г. – председатель ЦК КП(б) Грузии. В 1926–1929 и с 1931 по 1932 гг. – 1-й секретарь Закавказского крайкома ВКП(б), с 1932 года заместитель директора Института Маркса – Энгельса – Ленина. В апреле 1937 года выслан в Астрахань, 26 июля 1937 арестован и переведён в Тбилиси. 11 декабря 1937 года расстрелян по приговору Тройки при НКВД Грузии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.